

29 мая 2012 г.

**X Международная конференция
«Государственное управление в XXI веке:
повестка дня российской власти»**

Выступление Макарова Андрея Михайловича, председателя комитета по бюджету и налогам Государственной Думы Федерального собрания РФ:

Вы знаете, на самом деле, во-первых, огромное спасибо за то, что пригласили. А, во-вторых, когда мы говорим о повестке дня российской власти, всегда хочется воспользоваться сразу всеми советами – и советами об открытом обществе, и советами Ли Куан-Ю. а мне, например, поскольку я пришел в Московский университет на двадцать лет раньше, чем господин Макфол, – я пришел сюда сорок лет назад, – мне, например, больше вспоминается книга не о культуре, а книга председателя Комитета по международным делам Сената Соединенных Штатов Америки Уильяма Фулбрайта. Она называлась, если я не ошибаюсь, «Самонадеянность силы». Тогда почему-то решили, что эта книга обличает пороки империализма, и ее в шестьдесят каком-то году издали у нас в Советском Союзе, поэтому я тогда ее читал – так интересно было!

Вы знаете, так много советов, но самое смешное, что все эти советы разнонаправленные. И если мы попытаемся воспользоваться всеми советами, то, я боюсь, это будет очень сложно. Может быть, скажем, Ли Куан-Ю удалось потому, что он, строго говоря, зная опыт, тем не менее, избрал модель, которая была уместна именно для Сингапура. Может быть, поэтому не стоит слепо копировать, а, может быть, надо подумать, что целесообразно нам.

Вот, скажем, условно. Давайте забудем на секунду, что мы находимся в России. И свободное общество, наверное, для меня тоже идеал – наверно, такой же, как для господина Макфола. Но если, скажем... Кстати, господин Макфол, вы знаете, что каждые пятнадцать минут на земном шаре один ребенок – я подчеркиваю: ребенок! – умирает от голода? То есть пока вы выступали и говорили о свободном обществе, где-то умерло два ребенка от голода.

Я еще раз говорю, это не значит, что мы не должны говорить о свободном обществе, но мне кажется, что сегодня на первый план для людей в политике и в экономике все больше и больше выходит слово «справедливость». И я не могу объяснить женщине где-нибудь в Судане или где-то еще, у которой ребенок умер от голода, что это справедливо. Я могу объяснить, почему это происходит. Я могу объяснить, почему в Судане дети умирают от голода, а, скажем, в Соединенных Штатах они живут нормально. Я могу объяснить, чем одна модель лучше, чем другая. Но она никогда не поймет, в чем справедливость того, что именно ее ребенок умер от голода.

Я хочу напомнить, что современную демократию придумали богатые голландские купцы, потому что им было так удобнее. Удобнее жить. Нищие не способны создавать демократию. Нищие не способны создавать открытое общество. Нищим это просто не нужно.

А как быть нам? Ведь когда я произнес слово «справедливость», если я не ошибаюсь, «справедливость» в английском – justice. Но justice – это и справедливость, и правосудие. То есть справедливость и правосудие в английском – кстати, если не ошибаюсь, во французском тоже – это как минимум непротивоположные друг другу понятия. А у нас? А у нас люди, когда возникает какой-то спор, боятся идти в суд, потому что они заранее ему не верят. То есть как быть нам, когда огромное количество людей справедливость воспринимает только как свое понимание того, как должна развиваться страна, как должны строиться те или другие отношения?

В этом плане, мне кажется, что все, что мы говорим, а я готов ведь на самом деле подписаться практически под каждым словом господина Макфола, – под каждым! – есть только одно «но». Я помню, когда мы только начинали – реально начинали, сразу после кризиса 98-го. У нас по официальной статистике тогда в стране было более 50% людей, которые жили ниже черты бедности. Сегодня их 12%. Это статистика. Но 12% – это 17 миллионов человек. 17 миллионов человек, которые не знают, смогут ли они вечером накормить своего ребенка. И объяснить им, что требование любого митинга о чем угодно является для них самым важным, я не могу. Я не берусь объяснить, что это требование справедливо.

Кстати, в одной из программ, где был господин Никонов, – он свидетель, не даст соврать, – я спросил у одного из лидеров оппозиции – не хочу рекламировать, – почему вы не собираете митинги, скажем, повысить пенсию, довести заработную плату до, скажем, прожиточного минимума. И ответ меня потряс. Он сказал: мы под этими лозунгами митинг не соберем.

И тогда возникает вопрос, можно ли вообще говорить о построении открытого общества, можно ли говорить об открытии свободного общества, демократии в тот момент, пока это не стало всеобщей потребностью? Наверное, говорить можем. Наверное, обязаны к этому стремиться, но давайте, все-таки, не будем говорить о том, что эта ценность – эта ценность! – является приоритетом по отношению ко всем остальным.

Я помню прекрасно, когда еще был агентом ЦРУ и директором фонда Сороса в Советском союзе – вот я их создавал просто... Кстати, я до сих пор не понимаю, где моя доля? Господин Макфол, нельзя, все-таки, разобраться? Если столько лет агент не получает денег, у меня должны были проценты уже набегать. Пожалуйста, давайте, все-таки, если уж говорим о Госдепе, давайте серьезно решать эту проблему.

Так вот, возвращаюсь. И когда мы обсуждали с Джорджем Соросом эту проблему, что необходимо опубликовать в стране, первой мы решили опубликовать «Всеобщую декларацию прав человека». Я задам сейчас вопрос в зал. Здесь сидят очень хорошо подготовленные люди. А сколько вообще у нас прав человека? Начнем перечислять по пальцам. Кто-то дойдет до пяти, кто-то до десяти. Больше десяти не назовет никто. Кстати, в Соединенных Штатах обычно заканчивают на первых пяти. А ведь, на самом деле, абсолютно все они имеют одинаковое значение. И право на жилище, право на одинаковое социальное обеспечение, право на здравоохранение, которое лечит, а не калечит и так далее, оно имеет такое же одинаковое право, как и право на митинг. И мне кажется, что до тех пор, пока мы будем противопоставлять одно право другому праву, мы ничего не добьемся.

И последнее. Я бы хотел уйти от политики к той сфере, которая мне, может, все-таки, ближе, – это бюджет и налоги, тем более, что я так понимаю, что меня и позвали, чтобы я о бабках-то рассказал. Вы знаете, вопрос, как я стал председателем комитета по бюджету, это вообще достаточно смешно с учетом того, что публикуют газеты. Помните старое доброе время, когда вызывают комсомолку на бюро райкома комсомола и говорят: Марья Ивановна, как вы, знатная доярка, член пленума, делегат съезда, орденносец, могли стать валютной проституткой? Она: честно говоря, просто повезло. Вот и мне просто повезло. Но именно поэтому сегодня, когда мы говорим о том, что происходит, меня больше волнуют два вопроса: как совместить интересы людей, которые сегодня живут по-разному? Одни – это те, кто уже чего-то добились. Может быть, благодаря тому, что устроились на работу и получают побольше зарплату и уже вышли за черту бедности, другие потому что они креативны, потому что они бизнесмены, потому что они смогли наладить свою жизнь, потому что они, в конце концов, они просто талантливы. И они тоже уже вышли за черту бедности. Их не интересуют проблемы, чем кормить ребенка. Их интересуют проблемы гораздо более серьезные. Кстати, их интересует уже другое качество здравоохранения, другое качество образования, чтобы их дети были конкурентоспособными. Их интересует, в конце концов, участие в политике, участие в управлении государством. Это очень важно. Но остаются вот те самые 12%, которые живут ниже черты бедности. И вот здесь задача государства в том, чтобы их из-за этой черты поднять.

Поэтому, мне кажется, две основные задачи, когда мы говорим о повестке дня российской власти, это выполнение всего двух обязательств. Первое – это безусловное выполнение всех принятых на себя обязательств. Почему я это говорю? Потому что государство так часто обманывало! Неважно, в какие годы. Не будем вспоминать. Обманывало людей, потому сегодня недоверие людей к власти – главная проблема страны. Многие люди считают, что власть и народ живут в разных плоскостях, и эти плоскости не пересекаются.

А второе – чтобы качество жизни становилось лучше. Вот две задачи, которые являются главными в повестке дня сегодняшнего государства.

А почему я начал говорить о выполнении обязательств? Да потому, что нам сегодня, к сожалению, не удалось преодолеть тенденцию зависимости от нефтяной иглы. Потому что вот сейчас мы принимали поправки к бюджету, мы сидели, обсуждали вместе с господином Никоновым очень подробно все эти вопросы.

Я вам приведу просто пару цифр, чтобы было понятно, потому что ведь на самом деле люди обсуждают эти темы, не зная, что это такое. Чтобы было просто понятно. Вот стала годовая цена на нефть марки «Юралс» больше на один доллар, и бюджет наш получил на 60 миллиардов рублей больше. Стала она меньше на один доллар, и бюджет получит на 60 миллиардов рублей меньше.

Но ведь, простите, мы в этом году на увеличение зарплаты учителей заплатили 60 миллиардов. Так что, если цена на нефть упадет, мы что – не будем повышать зарплату? Будем. И тогда что? Будем печатать деньги?

В этом плане – спасибо. Я думаю, что пока ФРС будет печатать деньги, не остановит печатный станок, в мире все будет нормально, но, в конце концов, эти возможности тоже кончатся.

Я, кстати, у одного видного американского экономиста на национальном молитвенном завтраке в Вашингтоне выиграл пять долларов. Он утверждал, что американское правительство кончит печатать деньги, а я утверждал, что это не-

возможно. Когда я позвонил и спросил, где мои пять долларов, он сказал, что спорил, потому что понимал, что когда придет время их отдать, они уже ничего не будут стоить.

Так вот, мы этого позволить себе не можем. Мы не можем позволить, чтобы повышая пенсию, повышалась одновременно цена хлеба в булочной! Мы не можем позволить, чтобы инфляция сожрала то повышение – минимальное повышение, которое происходит. А ведь сегодня – вы посмотрите цифры. Вот то, что я сказал по нефти. Мы с вами всего лишь в 2006 году имели сбалансированный бюджет при цифре 24,6 доллара за баррель. Сегодня у нас несбалансированный бюджет при цене 115. Вдумайтесь в эти цифры! А если завтра цена упадет?

И поэтому каждый раз мы просчитываем варианты. Вот я сказал о двух задачах. И поэтому наша задача – проявить ответственность. Ответственность в политике. Не идти на поводу у популизма, который говорит, а вот почему у нас так мало получает тот-то? У нас все мало получают.

Кстати, я должен сказать, что если сравнить зарплату депутата Госдумы с зарплатой члена Конгресса, я тоже мало получаю. Но я не плачу. В отличие от членов Конгресса.

Просто вопрос ответственности. Это то, чего нам не хватает.

И последнее. Во всем мире проблемы бюджета и налогов не могут выноситься на референдум. Это правильно. Спросите людей: ты какие хочешь платить налоги – большие или маленькие? Не всегда ответят.

Так вот, мне кажется, что третья – и это, может быть, самая главная задача, которая стоит сегодня перед государством, – это ответственность. Ответственность – это то, что по словам Уинстона Черчилля, отличало государственного деятеля от политика, потому что политик думает о своем будущем в государстве, а государственный деятель, собственно, о будущем государства.

Ну, и, наконец, поскольку мне приходилось несколько раз выступать в этом здании, и первый главный вопрос, который мне всегда задавали, – будет ли у нас прогрессивная шкала подоходного налога? Пока я председатель комитета по бюджету – не будет. А вот если вы зададите вопрос господину Макфолу, как он к этому относится, он скажет: мы вам завидуем. Мы завидуем, что у вас хватило политической воли принять это решение.